

УДК 903.2

А.Е. Астафьев¹, Е.С. Богданов²¹Мангистауский государственный историко-культурный заповедник
3-й микрорайон, 66, Актау, Мангистауская обл., 130001, Республика Казахстан
E-mail: aasta@list.ru²Институт археологии и этнографии СО РАН
пр. Академика Лаврентьева, 17, Новосибирск, 630090, Россия
E-mail: bogdanov@archaeology.nsc.ru

ПАРАДНОЕ СЕДЛО ИЗ АЛТЫНКАЗГАНА (ПОЛУОСТРОВ МАНГЫШЛАК, КАЗАХСТАН)

Статья посвящена уникальной находке, полученной в результате исследования территории, связанной с каменной оградой на памятнике Алтынказган на п-ове Мангышлак. Ограда, сооруженная из плит песчаника, поставленных на ребро, составляет основу археологического объекта. В работе приводятся описания каменной конструкции и находок – серебряных обкладок седла, украшенных рельефными зооморфными изображениями, и мелких деталей гарнитуры. Рассматривается техника нанесения изображений. Установлено, что рельефы выдавливались с лицевой стороны, шкуры и анатомические признаки зверей и птиц прорабатывались специальной палочкой; матрицы делали, скорее всего, из деревянных дощечек. Публикуется реконструкция седла. Определено, что анализируемый тип седел связан с племенами гуннского облика и сформировался в V в. н.э. На данную дату указывают аналоги из погребальных и ритуальных комплексов Поволжья, Приуралья, Северного Кавказа. В статье дается семантическая и культурно-историческая интерпретация серебряных обкладок седла. Изображения животных и птиц на них не имеют точных аналогов, но манера орнамента характерна для золотых украшений гуннской эпохи. Алтынказганская находка позволила впервые доказать, что такая «совершенная» конструкция седла была известна уже в гуннское время; подобные седла стали прообразом древнетюркских.

Ключевые слова: Казахстан, Мангышлак, гунны, серебряные обкладки седла, поздние сарматы.

A.E. Astafyev¹ and E.S. Bogdanov²¹Mangistau State Historical and Cultural Reserve,
3rd Microregion 66, Aktau, 130001, Republic of Kazakhstan
E-mail: aasta@list.ru²Institute of Archeology and Ethnography, Siberian Branch, Russian Academy of Sciences,
Pr. Akademika Lavrentieva 17, Novosibirsk, 630090, Russia
E-mail: bogdanov@archaeology.nsc.ru

A CEREMONIAL SADDLE FROM ALTYNKAZGAN, MANGYSHLAK PENINSULA, KAZAKHSTAN

An unusual saddle found in a stone enclosure at Altynkazgan on the Mangyshlak Peninsula, Kazakhstan, is described. Its parts include silver plaques with figures of animals and birds, and small details of garniture. The figures were punched from inside, apparently on a template made from wooden planks, and their details were modeled with a special tool. Based on parallels from the Volga drainage, Ural, and Northern Caucasus, a Xiongnu-type saddle manufactured no later than the 5th century AD is reconstructed. A semantic and cultural interpretation of zoomorphic images is suggested. Though they have no exact parallels, their style is typical of golden ornaments of the Xiongnu Age. The Altynkazgan find demonstrates that high-quality saddles were manufactured already during the Xiongnu epoch, being prototypical to those made by Old Turks.

Keywords: Kazakhstan, Mangyshlak, Xiongnu, Late Sarmatians, saddles.

DOI: 10.17746/1563-0102.2015.43.4.072-084

Введение

Культово-погребальный комплекс Алтынказган находится на п-ове Мангышлак на восточном берегу Каспийского моря, в долине между меловым уступом Северного Актау и нагорьем Западный Каратау в пределах горных возвышений Тобекудык, Урыжол и Кулаат (рис. 1). Большую часть полуострова занимает солончаковая пустыня с участками высохшей скудной растительности. Рельеф сформирован комплексом процессов, связанных с ростом Каратауского нагорья, поднятием западной части Туранской плиты и эрозионной волновой деятельностью Палеокаспийского моря. Межгрядовые участки имеют мелкорословые понижения.

Памятник Алтынказган был открыт весной 2010 г. благодаря жителю г. Актау Ф. Ахмадулину, нашедшему древние артефакты, которые он передал археологу А.Е. Астафьеву. Выехавшие на место обнаружения предметов археологи выявили большой комплекс остатков наземных каменных сооружений на площади более 120 га. К сожалению, социально-экономическая ситуация в регионе не способствовала проведению археологических исследований, и только в 2014 г. авторам статьи удалось провести раскопки нескольких объектов на территории памятника, в т.ч. каменной ограды, внутри которой Ф. Ахмадулиным были найдены серебряные обкладки седла.

Описание памятника и хода раскопок

Археологические объекты (восемь комплексов) располагаются на грядовидных возвышениях. Через восточный сектор комплекса проходят две ветки древней караванной дороги, хорошо просматривающиеся на спутниковой карте. При детальном осмотре местности были выявлены каменные конструкции пяти основных типов: каменные ограды из нескольких рядов вертикально врытых плит или с горизонтальной закладкой стен плитняком, «жертвенно-алтарные» конструкции из плитняка округлых, трапециевидных, подковообразных, четырехугольных очертаний, плитчатые наброски и дугообразные выкладки (иногда двухрядные), высокие курганы с каменно-грунтовой насыпью и плоские курганы с каменной насыпью. Размеры оград от 4×4 до 34×24 м*.

*Сохранность видимой части каменных конструкций даже в пределах одного комплекса различная. Это связано с естественным разрушением каменных плит и техногенным воздействием человека в наши дни. Поэтому во многих случаях архитектуру объектов можно определить только после археологических раскопок. Более детальное описание погребально-поминального комплекса Алтынказган не входит в задачи данной статьи; на эту тему готовится отдельная публикация.

Рис. 1. Месторасположение памятника Алтынказган.

Ограда (объект № 15), в которой были найдены серебряные обкладки седла, находится в центральной части памятника (рис. 2). Ограда прямоугольная в плане, размерами $15,5 \times 1,0$ м, продольной осью ориентирована по линии С – Ю с небольшим отклонением к востоку за счет магнитного склонения (рис. 3). До раскопок на современной поверхности просматривались контуры вертикально установленных плит и каменно-грунтовых валов. В ходе раскопок выяснилось, что стены ограды выполнены в технике двухрядной кладки: плиты алевролитового песчаника были врыты на глубину 10–15 см и возвышались над уровнем древней поверхности на 40–50 см. Ширина стен ограды 0,8–1,2 м. В северной и южной стенах по центральной оси устроены сквозные проходы.

Сохранившиеся части горизонтального заклада из плитняка залегают не на материковом основании, а на грунтовом прослое толщиной 20–25 см, поэтому можно полагать, что межкладочное пространство стен заполнялось грунтом. Продольные стены, вероятно, были укреплены с помощью настила из плитняка, сложенного в один-два ряда. Высота северной и южной стен составляла не менее 1 м. После удаления всех плитчатых развалов в районе северо-восточного угла ограды с внешней стороны северной стены было выявлено пятно дромоса, после выборки которого удалось обнаружить катакомбное захоронение (рис. 3, б). На дне погребальной камеры находились: скелет молодой девушки, скелет ребенка в возрасте 1 года, железный однолезвийный нож, четырехгранная бусина из темно-синего стекла, шесть керамических сосудов, курительница с остатками древесных угольков, проводочная (свинцово-оловянистая бронза) серьга в виде

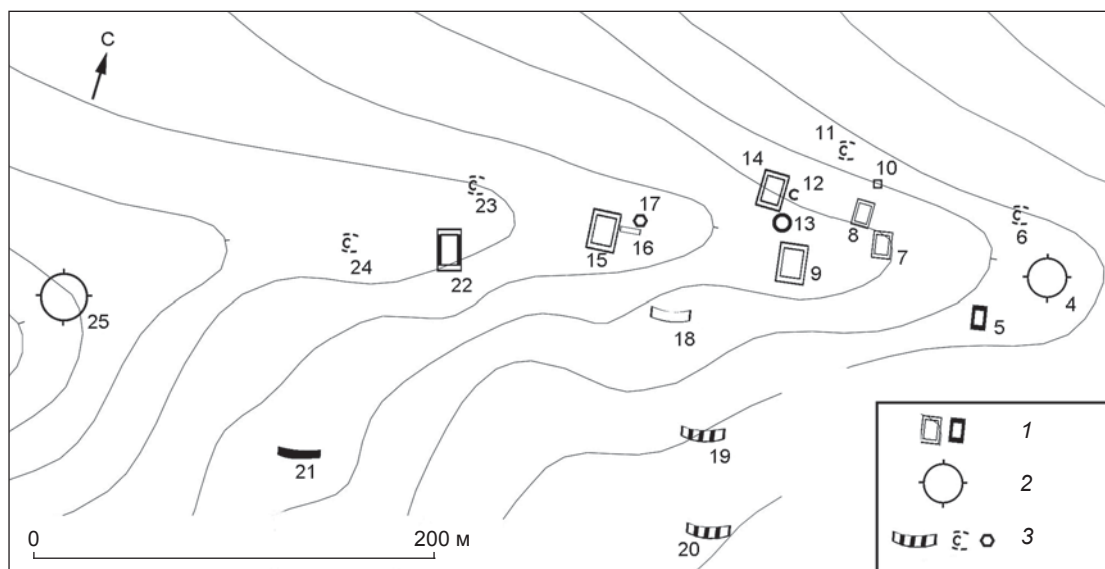

Рис. 2. Топографический план участка I памятника Алтынказган.
1 – каменные ограды; 2 – курганы; 3 – каменные выкладки.

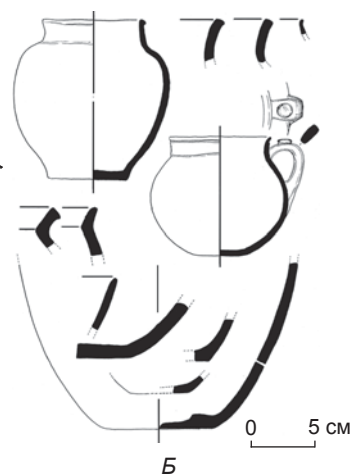

Рис. 3. План ограды № 15 памятника Алтынказган после расчистки наземной конструкции (А) и обнаруженная керамика (Б).

1 – скопление керамики; 2 – место обнаружения вкопанных сосудов (реконструкция целых форм); 3 – скопление меловой крошки (остатки изделия ?); 4 – место обнаружения парадного седла; 5 – могила этнографического времени (?); 6 – дромос в катакомбное захоронение и посуда из могилы.

волютообразного знака и алевролитовая плитка подтреугольной формы без следов обработки.

В северо-западном секторе внутренне-го пространства ограды на уровне древней поверхности расчищены два лепных сосуда горшковидной формы, врытых вертикально в материковое основание на 8–10 см. В северо-восточном секторе на уровне древней поверхности (в большей степени на 7–10 см выше древнего горизонта) зафиксировано скопление более 400 фрагментов (станковая и лепная керамика) шести-семи сосудов, в основном крупных. Черепки относительно тонкостенные, внешняя поверхность красноватого цвета, возможно ангобированная (рис. 3, Б).

Описание седла и седельной гарнитуры

При расчистке внутреннего заполнения пространства ограды зафиксированы контуры узкой овальной ямы (детской могилы ?) позднего происхождения и остатки ямы, в которой Ф. Ахмадулин нашел детали седла. Последняя находилась в 1,5 м от западной стены ограды. В ходе раскопок установлено, что фрагменты седла залежали на глубине ок. 70 см от современной поверхности. Зачистка неровных стенок ямы выявила только материковые слои, следовательно, это было не погребение. При осмотре ямного выброса найдены мелкие серебряные детали убранства седла и мелкие фрагменты обкладок, три серебряных колокольчика, две металлические детали ручки плети, кусочки трухлявых деревянных дощечек – свидетельства нахождения остатков седла с жестким деревянным каркасом именно в этом месте. Седло представлено серебряными обкладками с медной окантовкой лук и полок. По заключению сотрудника Государственного Эрмитажа Р.С. Минасяна, ведущего специалиста по древней металлообработке, изображения на обкладках сделаны в технике басмы*.

*В своем заключении исследователь отметил: «Рельефы, судя по мягким контурам боковых кромок изображений и отсутствию жестких следов деформации на фоне и на фигурах, которые возвышаются над фоном, выдавливались с лицевой стороны. Шкуры и анатомические признаки зверей и птиц штриховались стилем. Необычна конструкция матриц. Фон и фигуры абсолютно плоские, толщина рельефов одинаковая. Матрицы с такими параметрами невозможно вырезать из дерева, невозможно также вылепить восковую модель для изготовления отливки. Матрицы, скорее всего, делали из деревянных дощечек. На них

Рис. 4. Серебряная обкладка передней луки (1) и зажим, скрепляющий две половинки обкладки (2). Алтынказган.

Передняя лука (рис. 4, 5). Обкладка передней луки представляет собой две сочлененные встык тонкие серебряные пластины (толщина 0,10–0,11 мм), повторяющие подковообразные очертания деревянной основы и суживающиеся к нижним концам. Наибольшая ширина обкладок в средней части луки составляет 74 мм, ширина на концах 25 мм. В каждой пластине симметрично относительно друг друга имеются по два круглых отверстия диаметром 5 мм. Отверстия служили, вероятно, для продевания крепежных ремней для гибкого сочленения передней луки и полок.

На поверхности пластин выдавлены зооморфные изображения. В центре композиции находится крупная фигура бегущего дикого кабана (вепрь). Все детали четко проработаны, почти полностью отсутствуют элементы стилизации. Реалистично показана полураскрытая пасть с парой клыков, прочерченными волнистыми линиями выделены мощный загривок и шея,

наклеивали вырезанные из толстой кожи фигурки персонажей, а затем накладывали серебряные пластины и проколачивали. Отсутствие следов ударов на серебре – признак того, что серебро проколачивали через слой кожаных прокладок. Нижний толстый слой кожи слегка намачивали, чтобы добиться надлежащего оттиска. С помощью простых инструментов кочевники делали художественные изделия подобного рода; их особенностью являлось использование своеобразного способа изготовления в сочетании с графической манерой изображения персонажей». Авторы благодарят Р.С. Минасяна за ценную консультацию.

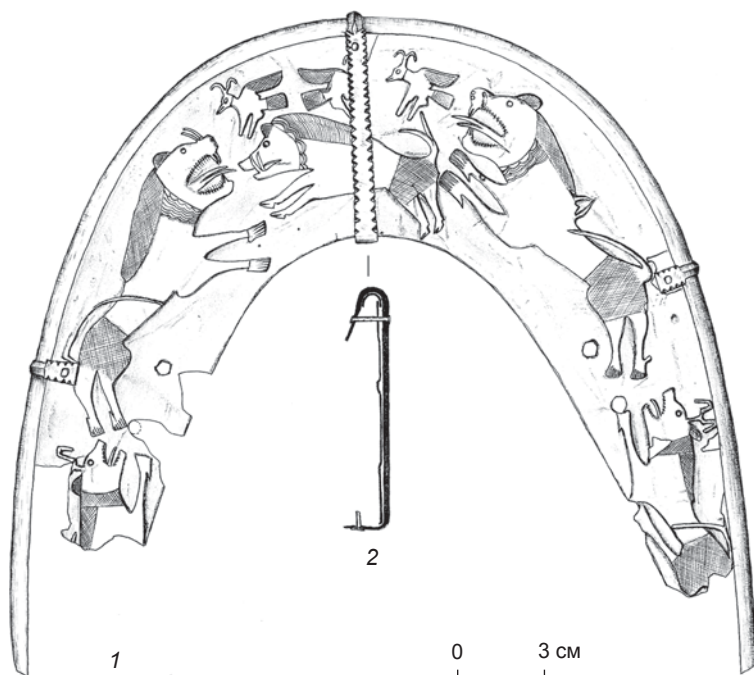

Рис. 5. Прорисовка обкладки передней луки седла вместе с крепежными деталями. Алтынказган.

обозначены раздвоенные копыта, а также высоко поднятый раздвоенный хвост. Круп животного и полукруглое ухо заштриховано прорезными линиями. Глаз обозначен кружком. На кабана с двух сторон «нападают» крупные хищники (львы?), у которых насечками выделены загривки, шея и задняя часть тела. Животные с крупными головами, мощной грудью и зауженной «талией». Из широко раскрытой зубастой пасти хищников торчит длинный раздвоенный язык. Особо выделены нос и лапы с отставленным в сторону одним когтем («шпоры»). Хвост заброшен на круп. Уши полукруглые, маленькие, глаза показаны кружками. При зеркальном сходстве у изображений имеются неко-

торые различия: у левого хищника вздыбленные усы, у правого на спине обозначены два отростка («крылатость?»). Следом за крупными хищниками бегут два мелких зверя с тамбовидными знаками на голове (показаны в зеркальном отражении). У них меньше головы, языки не раздвоены; фигуры похожи по изобразительной манере. Существенная часть обкладки в месте этих изображений не сохранилась. Над кабаном «зависли» три птички, из которых две (в центре) показаны в зеркальном отражении. У пернатых на головах раздвоенные хохолки, тонкие вытянутые клювы и длинные вытянутые ноги. Широкие хвосты в виде лопаточки и крылья заштрихованы прорезными линиями.

Несмотря на то, что концы серебряных обкладок передней луки утрачены, определить ее размеры возможно по сохранившейся вдоль внешней кромки медной окантовке полукруглой формы со скошенными концами (диаметр 8 мм, ширина 10 мм). Она была прижата к торцу деревянного основания луки при помощи гвоздика, расклепанного в зоне острия. Сохранилась также обжимная скоба с пальчатыми (см. рис. 4, 2); она располагалась в средней части и закрывала стык декоративных обкладок. Нижний конец скобы загнут под прямым углом к декоративной пластине и расплюснен. Реконструируемый по форме крепежной скобы профиль луки имеет высоту 80 мм при толщине верхней кромки 7 мм и ширине основания не менее 24 мм. Длина скобы полностью совпадает с шириной серебряных обкладок в месте стыка. У серебряных обкладок кромка внутреннего края слегка загнута, что могло произойти только на краю деревянной основы.

Задняя лука (рис. 6). От нее сохранились (в обломках) медная окантовка, которая полностью ре-

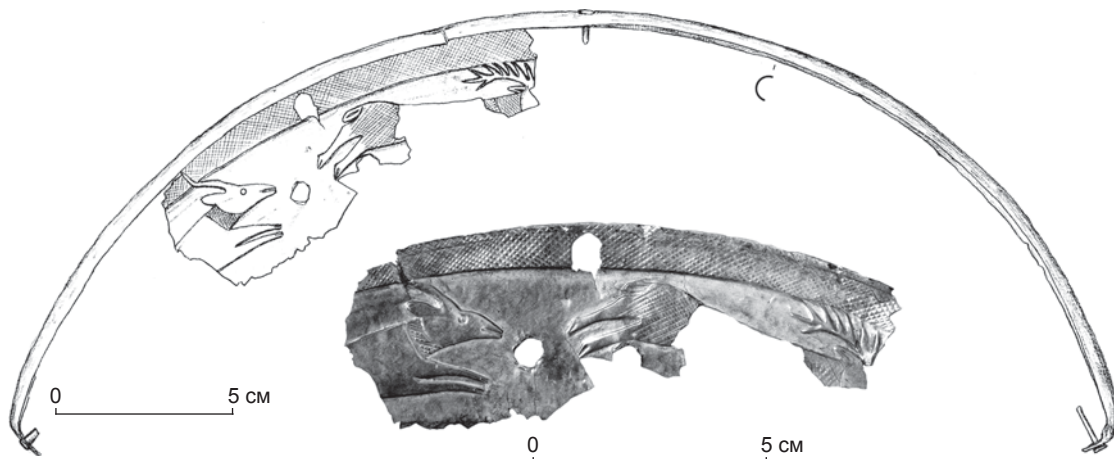

Рис. 6. Серебряная обкладка задней луки седла. Алтынказган.

Рис. 8. Серебряная обкладка заднего конца полки седла. Алтынказган.

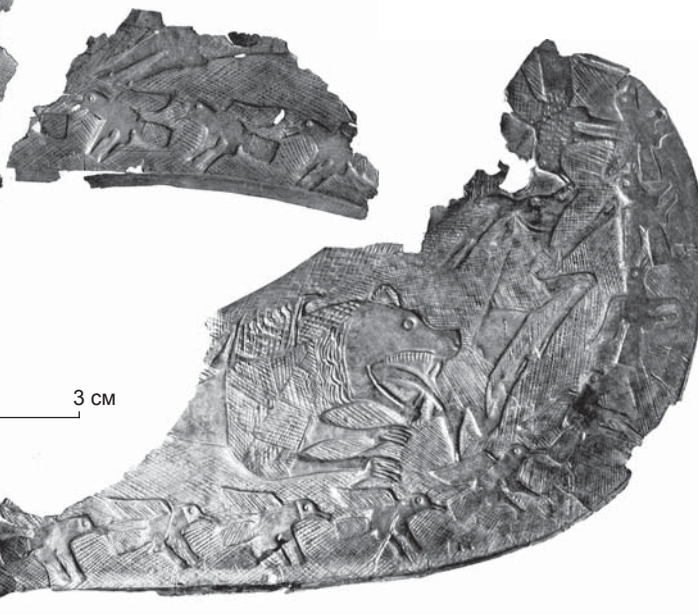

Рис. 7. Серебряная обкладка заднего конца полки седла. Алтынказган.

конструируется, и фрагмент серебряной обкладки размерами 115×40 мм. Она изготовлена из тонкой серебряной пластины толщиной 0,1 мм. На ней сохранились изображения бегущего оленя и передней части сайгака, бегущего за ним. Если предположить, что туловища оленя и сайгака по пропорциям равны, то композиция на обкладке должна быть четырехфигурной – возможно, это две пары бегущих навстречу друг другу животных. В пластине в 20 мм друг от друга по центру и в 13–14 мм от существующего внутреннего края имеются два отверстия диаметром 5 мм, служившие для крепежных ремней – сочленения задней луки и полок.

Обкладки задних концов полок (рис. 7, 8). Обкладки симметричные, парные, имеют форму перевернутого асимметричного сегмента с прогнутым основанием, узкие концы которого не сохранились. Представляют собой тонкие серебряные пластины с рельефным скосом по краю концов полок и с отверстиями диаметром 8–9 мм. По краю обкладки окантованы медным прутком треугольного сечения. При отсутствии узких концов обкладок удалось точно восстановить форму одной окантовки. Нижние основания обкладок чуть вогнуты, они повторяют контур деревянной основы полки. Размеры обкладок с учетом сохранившейся длины прутков 232×102 мм.

На поверхности обкладок воспроизведены зооморфные композиции в зеркальном отражении. В одном случае на бегущего оленя сзади нападает кабан, а спереди и сверху – две птицы с прямыми клювами. За оленем просматривается силуэт бегущего парнокопытного животного (сайгака?). На другой пластине изображены бегущий олень и кусающий его за круп крупный хищник, а также птица, которая прямым длинным клювом бьет оленя в нос (рис. 8, 9). На обеих пластинках композиции обведены полукартушем из однотипных птичек. Поле, свободное от фигур, покрыто кососетчатой штриховкой. По стилистике изображения животных и птиц аналогичны вышеописанным на других частях обкладок седла.

*Обкладки передних концов полок** (рис. 10). Обкладки парные; каждая имеет форму асимметричного

*Вывод о том, что эти элементы служили украшениями именно передних концов полок, основывается на данных раскопок конских захоронений у р. Дюрсо близ Новороссийска (V в. н.э.): здесь подобные пластины находились на костях лошадей *in situ* [Дмитриев, 1979, рис. 1]. Однако большая часть ученых при трактовке подобных обкладок предпочитает ссылаться на изобразительные материалы, в основном иранского происхождения (см. об этом: [Ахмедов, 2012, с. 19–20, рис. 2]).

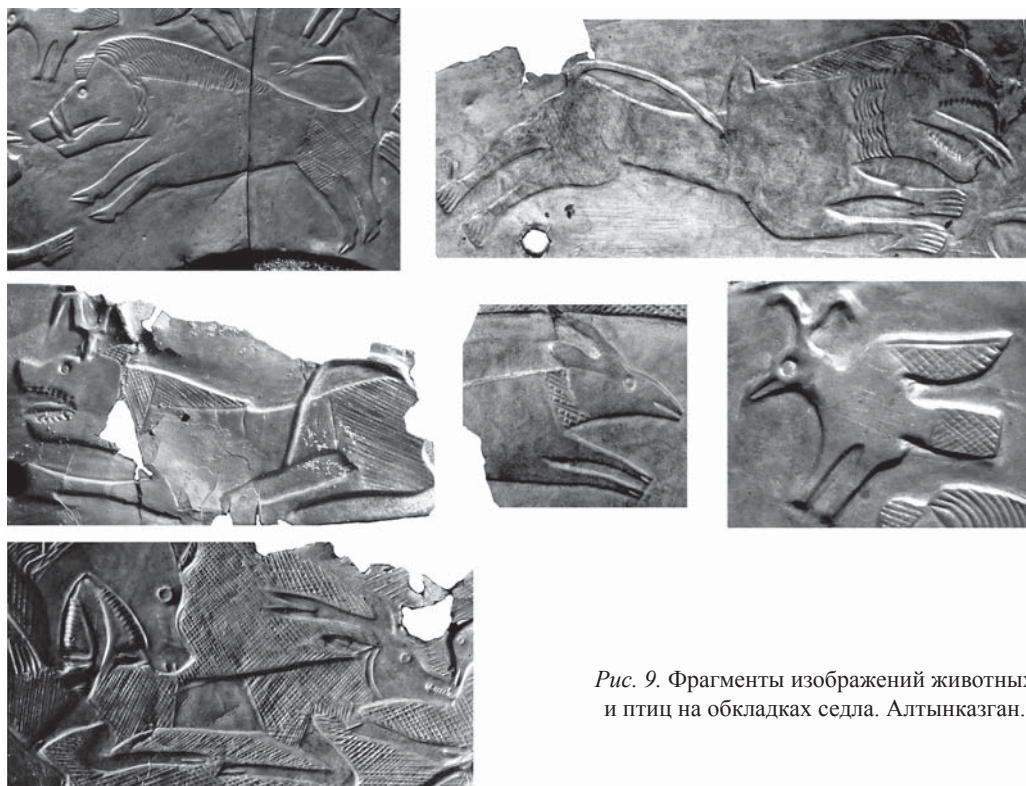

Рис. 9. Фрагменты изображений животных и птиц на обкладках седла. Алтынказган.

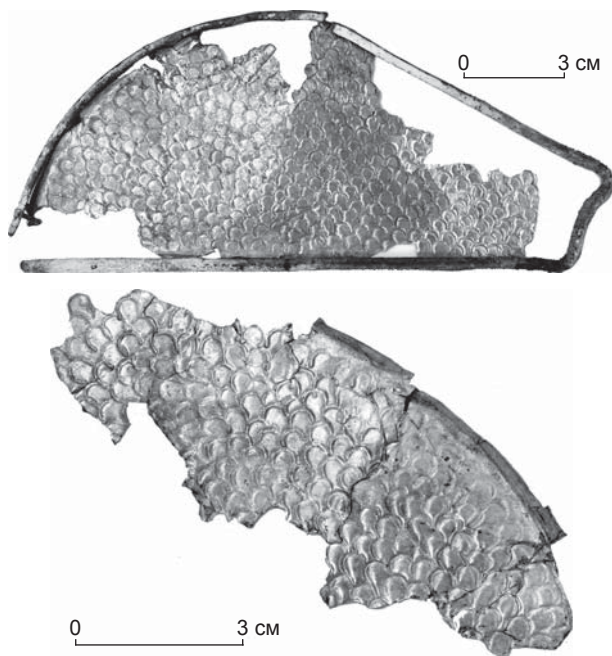

Рис. 10. Фрагменты серебряных обкладок передних концов полок седла. Алтынказган.

сегмента с кососрезанным острым концом и выдавленным чешуйчатым орнаментом. По краю – неровный загиб, обложенный бронзовым прутом треугольного сечения, который крепился к деревянной основе

полок с помощью длинных гвоздиков. Кончик гвоздика загнут, поэтому возможно определить толщину края деревянной дощечки – 9–10 мм. Размеры обкладок 170 × 75 мм.

Металлические детали рукояти плети (рис. 11, 1, 2). Детали плети представлены двумя наконечниками, одетыми на остатки деревянной основы рукояти круглого сечения. Наконечники изготовлены в виде цилиндров из тонких серебряных пластин (металл сильно окислирован), запаянных с одного конца. В средней части большого цилиндра имеется обойма из бронзового прутка треугольного сечения с позолотой, имеющая петлеобразный выступ для обжатия ремня плети. Ремень был дополнительно скреплен с рукоятью при помощи двух заклепок, насквозь пробивших цилиндр и деревянную основу.

Металлические детали гарнитуры седла (рис. 11, 3–7). Вместе с обкладками седла и рукоятью плети были найдены: три одинаковые тонкие прямоугольные пластины с отверстиями и короткими заклепками на концах, два серьговидных массивных колечка на щитковидных пластинчатых обоймах круглой формы с короткими заклепками, мелкое серьговидное колечко на щитковидной пластинчатой обойме вытянутой треугольной формы в центре, две заклепки вытянутой треугольной формы, три однотипных пирамидальных колокольчика с окантовкой по краям. Они, судя по длине заклепок и зазорам обойм, крепи-

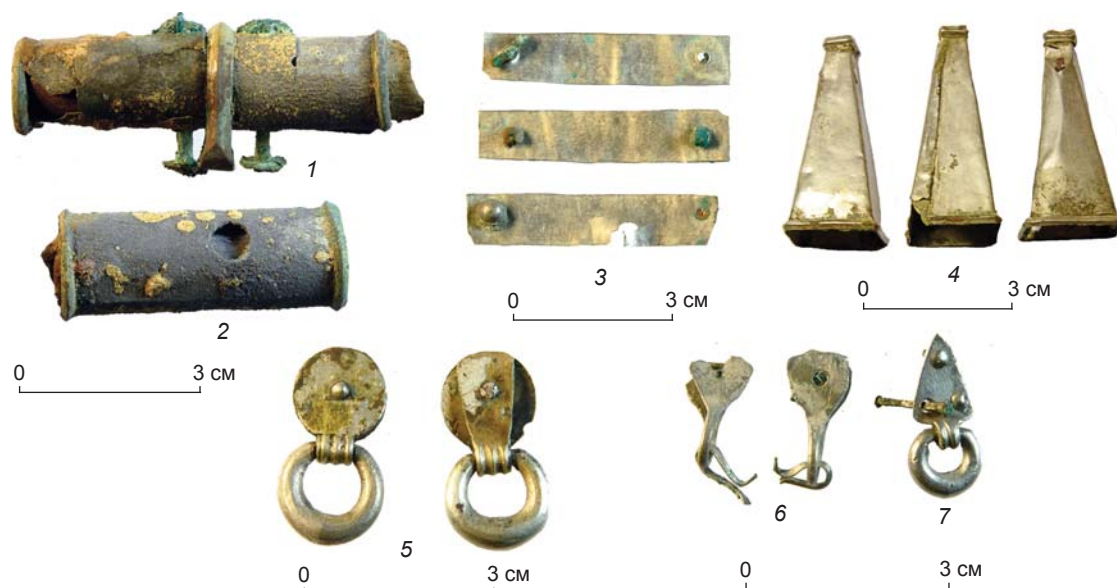

Рис. 11. Серебряные детали седла. Алтынказган.

1, 2 – детали рукояти плети; 3 – пластины с отверстиями и заклепками на концах; 4 – колокольчики с язычками; 5 – серьговидные колечки на щитковидных пластинчатых обоях с заклепками; 6 – заклепки треугольной формы; 7 – серьговидное колечко на щитковидной пластинчатой обойке вытянутой треугольной формы в центре.

лись к тонкой основе толщиной 1–2 мм, которой могла быть кожа. Все найденные детали скорее были частью декоративного убранства седла, чем его конструктивными элементами (рис. 12).

Интерпретация материала

Одиночные каменные ограды из вертикально врытых плит (или уложенных камней) с проходами на Мангышлаке известны еще в трех пунктах на юго-восток от памятника Алтынказган в сторону плато Устюрт. Но самый крупный культово-погребальный комплекс в регионе обнаружен на возвышенности Чаш-Тепе (оконечность одного из мысов плато Устюрт) в Туркмении во время работ Хорезмийской экспедиции. Комплекс включает большие и малые курганы, каменные ограды с проходами, полукруглые и дуговидные каменные выкладки [Рапопорт, Трудновская, 1979, рис. 1, 3–6]. После раскопок в одном из курганов (погребение в виде сожжения на стороне) была обнаружена щитковая пряжка с перегородчатой инкрустацией, которую исследователи со ссылкой на публикации И.П. Засецкой и А.К. Амброза датировали IV – началом V в. н.э. [Там же, с. 158, рис. 7]. Серебряная ременная пряжка найдена в одной из алтынказганских оград (рис. 13, 3); по классификации И.П. Засецкой она относится к группе 1, типу А, подтипам 1–3 [1994, с. 84–85]. Дата этой пряжки (V в. н.э.) не вызывает сомнений, поскольку исследовательница в своих выводах опиралась на несколько независимых систем дати-

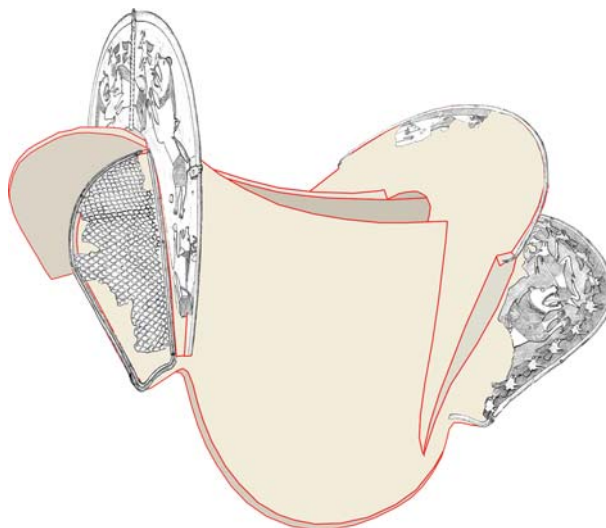

Рис. 12. Реконструкция седла из Алтынказгана.

рования (типология стрел, котлов, фибул, стеклянной и металлической посуды и др.). Комплекс Чаш-Тепе Ю.А. Рапопорт и С.А. Трудновская при отсутствии находок из оград, но с учетом керамики датировали первой половиной I тыс. н.э. С их точки зрения, комплекс был оставлен кочевниками одной этнической группы, а не хорезмийским населением [1979, с. 165]. Показательно, что внутри алтынказганских оград также встречены фрагменты станковой посуды, проявляющие сходство с находками из Чаш-Тепе. В.Н. Ягодным на Устюрте был обнаружен еще один памятник типа Чаш-Тепе – Актепе-1. В его составе имеются

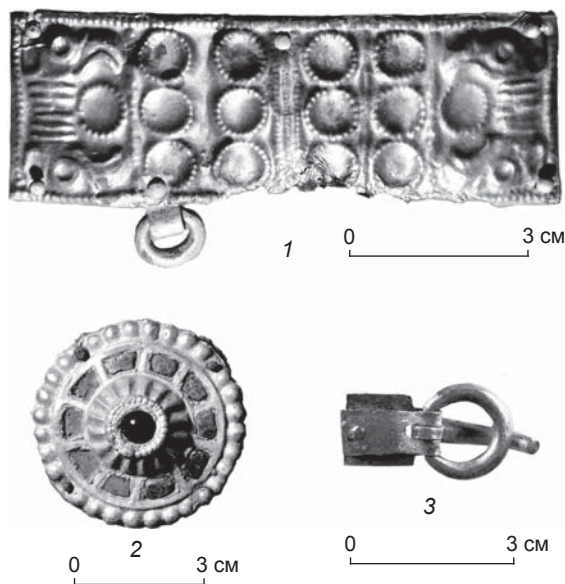

Рис. 13. Предметы конского снаряжения из оград Алтынказгана.

1 – накладка на ремень; 2 – распределитель; 3 – щитковая пряжка.
1, 2 – серебро с позолотой; 3 – серебро.

большой курган, прямоугольная ограда и рядовые курганы, среди которых один длинный. Как справедливо считает В.Н. Ягодин, «прямоугольная ограда и “длинный курган” – структурные элементы, общие как для позднесарматских могильников на Устюрте, так и для объектов типа Чаш-Тепе, однако в целом это явления, вероятнее всего, различной этнокультурной принадлежности» [2014, с. 266].

М.Г. Мошкова отмечала, что на «каждые два – четыре позднесарматских кургана в Лебедевском могильнике Западного Казахстана приходится одна ограда, что говорит о связи сооружений с погребальным обрядом и с “культом предков” (“места ритуальных трапез”))» [1984, с. 200–201]. И хотя лебедевские ограды земляные, а не каменные, между ними и сооружениями комплекса Алтынказган можно найти не только конструктивно-планиграфическое сходство. В Алтынказгане на территории, обрамленной оградой, также фиксируются следы ритуальных церемоний: большое количество разнообразной битой и целой посуды, некоторые сосуды были вкопаны. По мнению М.Г. Мошковой, в горшках из лебедевских оград «могли содержаться дары в виде еды и каких-то напитков» [Там же, с. 201].

Таким образом, с учетом формы и конструкции сооружений можно предположить, что создателями оград в Алтынказгане были представители кочевых племен, связанных с позднесарматскими культурами. Вместе с тем характерные предметы конского снаряжения с территории нашего памятника указывают на «гуннский след». А.В. Комар поддержал «идею

погребальных даров», предложенную европейскими учеными И. Бона, П. Томка, и согласился с версией о существовании у знатных гуннов пространственного разделения места погребения тела и места совершения жертвенного приношения вещей (воинские и всаднические культы) [2013, с. 89]. В этой связи интересно сравнение алтынказганских дугообразных выкладок в сочетании с каменной оградой (с ритуальными захоронениями предметов конской упряжи) и южно-приуральских комплексов с «усами» (см.: [Боталов, 2009, с. 362–408]). Ритуальный характер курганов с «усами» и найденный в них яркий набор предметов гуннского периода свидетельствуют, как считает А.В. Комар, о существовании в первой половине V в. единого этнокультурного пространства в степях от Дуная до Южного Урала [2013, с. 100].

Культовый характер захоронения в оgrade Алтынказгана парадного седла, его конструкция, а также аналогии с вещевыми комплексами с соседних территорий дают возможность по-иному взглянуть на даты и в целом – на эволюцию верхового седла. Так, накладки на передние концы полков с чешуйчатым орнаментом, сходные с алтынказганскими по размерам, форме, расположению отверстий на обкладке передней луки, но золотые и без изображений были обнаружены в мог. IX у с. Новогригорьевка Запорожской обл. [Засецкая, 1994, табл. 2, 7, 10]. Подобные детали седла найдены в мог. VIII у с. Новогригорьевка, а также в разрушенном погребении в Кизиярской Балке у г. Мелитополя в Запорожской обл., в кург. 8 в урочище Кубей Одесской обл., в погребении кург. 4 у с. Владимирское в Заволжских степях и т.д. [Там же, табл. 4, 7, 35, 41, 47]. По форме, а также соотношению высоты и длины основания пластин И.П. Засецкая выделила несколько типов обкладок ленчиков седла и разработала модель их эволюции с учетом материалов из Венгрии, Франции, Италии, Казахстана, Заволжья, Северного Кавказа, Южного Приуралья. Согласно ее классификации, алтынказганские накладки на передние концы полков относятся к типу 3 и датируются первой половиной V в. [Там же, с. 72–74, рис. 2]. А.К. Амброс в своей схеме развития стремян и седел подобные накладки на переднюю луку датировал VI–VII вв., но накладки с чешуйчатым орнаментом на передних концах полков из Новогригорьевки IX связал с V в. [1973, рис. 2; 1989, рис. 7]. В данном случае нам представляется принципиальным вопрос точности датировки, поскольку V в. – время наибольшего могущества гуннского союза, а VI–VII вв. – уже совсем иная эпоха, когда моду на вещи и формы конского снаряжения начинают диктовать тюрки. Седла (особенно парадные) имеют более выраженные хронологические, нежели этнокультурные особенности, объединяющие памятники не только западной части Евразии (Северного Кавказа, Причерноморья, Прикубанья, Поволжья), но и восточной (напри-

мер, Саяно-Алтай). Сохранившиеся детали находки из Алтынказгана (форма и загибы на краях передних и задних обкладок полок, а также пространственное соотношение конфигураций передней и задней луки) позволяют провести реконструкцию седла (см. рис. 12).

Базовым моментом явилось определение конфигураций углов полок в зависимости от очертаний основания холки и спины лошади. Угол между передними концами полок по внутреннему контуру алтынказганской передней луки составляет примерно 45° , что не соответствует имеющимся реконструкциям гуннских и раннесредневековых седел (см., напр.: [Дмитриев, 1979, с. 219, рис. 5, а, б; Вайнштейн, 1966, рис. 40; Вайнштейн, Крюков, 1984, рис. 16]). Исследователи почему-то обошли вниманием наличие парных отверстий в средней части дуг у накладок из Новогригорьевки, кургана около Мелитополя и пр. Подобные парные отверстия имеются на передней луке седла из погребения у с. Бородаевка (Поволжье) [Максимов, 1959, рис. 45]. В алтынказганской обкладке передней луки также сделаны парные отверстия. Повторяющиеся отверстия на обкладках и деревянной основе передних луки появились неслучайно, они имели определенное назначение. Ранее мы уже точно установили размеры и форму (треугольную в сечении) передней луки алтынказганского седла. Параметры луки и наличие на ее обкладках конструктивно значимых отверстий позволяют заключить, что внутренние края крепились непосредственно к плоскости полок. Взаимное примыкание серебряных обкладок луки и передних концов полки в местах отверстий на обкладках подразумевает наличие подобных отверстий на передних полках. Однако на чешуйчатых обкладках, сохранившихся не полностью, какие-либо отверстия отсутствуют. Это могло бы вызвать справедливое сомнение в правильности нашей реконструкции, если бы не данные об одном из типов кокзельских седел: при сочленении передней и задней луки с полками использовался принцип «потайного» пропускания стяжных ремней в деревянном каркасе луки (отверстие сверлилось под углом к плоскости луки) [Вайнштейн, 1966, табл. X, XI]. Эта информация позволила предположить подобный вариант крепления и у алтынказганского седла.

Реконструкция задней луки была затруднена из-за фрагментарности серебряной обкладки. С учетом имеющихся в последней парных симметричных отверстий, таких же, как в обкладке передней луки, а также сохранившихся деревянных основ кокзельских седел можно предположить, какими были характер и угол крепления задней луки к полкам. Скорее всего, алтынказганское седло размещалось на спине лошади не горизонтально, а под углом с подъемом в сторону холки (как, например, у более поздних, китайских седел эпохи Тан). В этом случае вряд ли задняя лука была узкая, поскольку, во-первых, она находилась бы

в зоне активного весового воздействия тела всадника; во-вторых, не обеспечивала бы устойчивого положения всадника в седле; в-третьих, при ее использовании повреждалась бы декоративная серебряная обкладка. Задняя лука должна была быть широкой. Задняя лука кокзельских седел относительно узкая, шириной в среднем 80 мм. Однако окантовка задней луки алтынказганского седла в 2 раза короче задних луки всех типов кокзельских седел. Поэтому мы предположили, что окантовка и серебряная обкладка могли быть элементами выступающей плоскости над дугой более длинной луки. Пластическое воспроизведение формы задней луки позволило определить внутренний угол примыкания полок, который составил в среднем 110° . Конструкция столь короткой луки при ширине не менее 0,8 мм, как было доказано экспериментально, была неустойчивой и не отвечала главным принципам устройства степных седел. Поэтому мы предположили, что окантовка и серебряная обкладка могли быть элементами выступающей плоскости над дугой более длинной луки.

Для воссоздания первоначальных контуров полок, пожалуй, основное значение имеет форма передних и задних обкладок. При определении положения обкладок передних концов полок мы опирались на реконструкцию, предложенную А.В. Дмитриевым [1977, рис. 2]. Пространственное соотношение форм задней луки и обкладок задних концов полок позволило с высокой долей вероятности предположить расположение последних. Кососрезанный с изгибом узкий конец обкладки, по аналогии с окантовкой обкладок передних концов полок, мог иметь фигурный уступ с возможным продолжением линии края полки вниз под углом. Пожалуй, самым сложным на данный момент является определение конфигурации нижнего края полки алтынказганского седла. Наиболее близкими к нему по времени и территории являются седла могильника Кокзель [Вайнштейн, 1966, табл. X]. Важной особенностью конструкций полки этих седел, определяемой исследователем как лопасть, является наличие нижнего выступа. Документировано широкое бытование подобных седел на пространстве от Китая (терракотовые лошади династии Тан) до Нижнего Поволжья (бородаевское седло) в VII–IX вв. По нашему мнению, их основой послужили конструкции степных седел гуннского времени. Следовательно, полки алтынказганского седла могли иметь лопастную форму (см. рис. 12). Таким образом, по форме обкладок на луках и полках изучаемого седла и по аналогиям с одним из типов кокзельских седел можно восстановить средние габаритные размеры реконструируемого седла из Алтынказгана: $51 \times 53 \times 37$ см.

Появление седел кокзельского типа исследователи относят к VI в. [Вайнштейн, Крюков, 1984, рис. 16] или VII–VIII вв. [Кызласов, 1979, с. 137–139]. «Территория его (седла. – **Авт.**) распространения в это время

позволяет предполагать, что это изобретение связано с древнетюркскими кочевыми племенами, передавшими его поздним сяньбийцам, китайцам и другим соседним народам Центральной и Восточной Азии. В VII–VIII вв., по мере распространения влияния древнетюркской культуры, новый тип седла далеко вышел за пределы собственно тюркского мира» [Вайнштейн, Крюков, 1984, с. 129–130]. Однако седло из Алтынказгана опровергает это мнение, поскольку конструкции такого типа связаны с гуннской культурой и появились по крайней мере в V в. Интересно, что в одной из своих работ А.К. Амброз неожиданно отказывается от поздней даты и признает, что «седла (лука с накладками с чешуйчатым орнаментом. – **Авт.**) европейских гуннов IV–V вв. обнаруживают значительное сходство с кокзельскими образцами» [1979, с. 229].

Эволюции верхового седла посвящено большое количество работ. Кроме уже упомянутых публикаций А.К. Амброза [1973], Кызласова [1979, с. 136–138, рис. 96], С.И. Вайнштейна и М.В. Крюкова [1984], стоит отметить исследования А.А. Гавриловой [1965], Ю.А. Виноградова и В.П. Никонорова [2009], П.П. Азбелева [2010], И.Р. Ахмедова [2012], Е.В. Степановой [2014]. Различия точек зрения на даты и типологии обусловлены выбором разных хронологически значимых признаков, а также малочисленностью хорошо сохранившихся седел и обкладок в бесспорно датированных комплексах. При всех разногласиях авторы сходятся в одном – в середине I тыс. н.э. на смену полужестким седлам приходят седла с жесткой основой и высокими луками арочной формы. Если говорить о парадных седлах, то их декоративно-художественным оформлением подчеркивался высокий статус владельца. Очень сложно согласиться с выводами И.Р. Ахмедова о том, что «седла гуннского типа могут быть связаны с Сасанидским Ираном» и их появление – результат похода гуннов в Закавказье в конце IV – начале V в. [2012, с. 24]. Как показало сравнение алтынказганских серебряных обкладок с кудыргинскими роговыми накладками из мог. 9 или с реконструированным обликом аналогичной детали «парадного» седла из Копенского Чаа-гаса (см.: [Евтюхова, 1948, рис. 86–88]), последние представляют совсем иной пласт кочевых культур и последующий этап развития жестких каркасов седел. Место расположения отверстий для крепления лука к полкам на накладках (и основе) не изменилось, но стала иной форма лука. Мы абсолютно согласны с мнением Д.Г. Савинова о том, что «внутреннее содержание композиции на кудыргинском седле, представляющей обычную для степного искусства сцену конной (облавной ?) охоты, было намеренно усилено включением более крупных фигур геральдически расположенных хищников. <...> За неимением прототипов для подобных заимствований в местной изобразительной традиции

они были заимствованы из искусства Сасанидского Ирана» [2005, с. 19]. Но этот вывод неприменим для алтынказганских серебряных обкладок. Изображения на них выполнены, несомненно, под влиянием скифо-сибирского звериного стиля. Об этом свидетельствует не только технология изготовления, но и иконография образов. Сцены противостояния кабана/вепря и хищников на передней луке седла, а также терзания хищником оленя на обкладках полок композиционно сходны с таковыми на пазырыкских изделиях, например, с изображениями на деревянной основе колчана из кург. 1 могильника Ак-Алаха-1 [Полосьмак, 1994, рис. 21] или на диадеме из Уландрыка IV [Кубарев, 1987, табл. LXIX]. Образ оленя у номадов евразийских степей был неотъемлемой частью ритуального и повседневного убранства верхового коня. Самый яркий пример – маски оленей на пазырыкских лошадях. Схватка свирепого дикого кабана с хищниками, сцены охоты на кабана, терзание оленя запечатлены на многих великолепных изделиях скифской и сарматской эпох. Очень часто сцены терзания или борьбы дополнены фигурами хищных птиц (грифоны) или синкретичных существ с птичьими головами. Среди сарматских древностей имеется достаточно большая серия изделий, на которых центральные изображения оконтурены рядом из головок грифов (см., напр.: [Богданов, 2006, табл. LXXXV]). Но птицы, показанные на алтынказганских обкладках, не встречаются на скифо-сибирских и гунно-сарматских предметах. Нет таких образов и в иранском искусстве. Особое внимание стоит обратить на птиц с хохолками. Возможно, древний мастер изобразил удонов, которые и сегодня обитают в средней и южной частях степного пояса Евразии. У удода контрастные черно-белые полосы на крыльях и хвосте, клюв в виде тонкого шила, крылья короткие и очень широкие, закругленные, полет ныряющий, как у бабочки, волнообразный. Но главное – хохолок; такого хохолка нет больше ни у одной птицы в данных широтах. Голову удода украшает шикарный «веер» с длинными рыжими перьями с черным обрамлением. Обычно птица держит его сложенным и разворачивает во всей красе при возбуждении, удивлении или испуге. Возможно, именно его стилизованно пытался показать мастер на алтынказганских обкладках. Интересно, что у самки удода есть такая особенность: в период размножения копчиковая железа, находящаяся над хвостом, начинает вырабатывать жидкость с крайне неприятным запахом. Потрясенные птицы выпускают на врага струю экскрементов, смешанных с этой субстанцией. На мелких хищников такая мера действует чрезвычайно эффективно [Рябицев, 2001, с. 338]. Возможно, именно поэтому на обкладках птицы показаны в «зависающей» позиции над хищником. Хотя нельзя исключать стремления древнего мастера отразить опре-

деленные мифологические представления. Например, птица с таким своеобразным оперением и повадками упомянута в античной мифологической традиции. В «Метаморфозах» Овидия герой Терей был превращен в удода. «Как у воинственного Теря на шлеме, так развевается у удода на голове гребень из перьев» [Кун, 2000, с. 46].

Объем статьи не позволяет провести подробный стилистический и семантический анализ каждого изображения на обкладках, поэтому мы отметим лишь их некоторые важные особенности:

1. Изображения животных и птиц на обкладках уникальны и не имеют точных аналогов. Вместе с тем манера обработки металла «штриховкой» резными линиями, в результате чего получаются прямоугольники (загравки на теле львов), находит определенные параллели в материалах гуннского времени. Например, такие прямоугольники и треугольники отмечены на золотой обкладке рукояти меча из Волниковского клада (Курская обл.) [Волниковский «клад»..., 2014, с. 97–98, кат. № 124]. Чешуйчатый орнамент имеется почти на всех золотых обкладках (на передних концах полок) гуннских седел от Южного Приуралья до Восточной Европы (см., напр.: [Засецкая, 1984, с. 72–73]).

2. Большая часть образов показана обособлено. Симметрия частично «подавляла» сюжет. Например, фигуры однотипных птичек на обкладках задних концов полок, хотя переданы очень детально, выступают скорее как элементы орнамента. Складывается впечатление, что мастеру важно было изобразить на конкретных частях седла определенные образы и расположить их в нужном порядке согласно идеологическим постулатам «поединка, борьбы и победы». Центральные персонажи маркируют высшую ступень в соответствующей иерархии образов и указывают на привилегированный статус владельца седла. Так, фигура кабана является наиболее значимой в композиции, показанной на деталях седла. Охота на этих животных у кочевников «носила состязательный характер и считалась боевой забавой, позволяющей показать доблесть, смелость, силу» [Полосьмак, 1994, с. 32]. Включив в композицию «абстрактных», а не конкретных хищников, мастер отразил скифские «идеи борьбы и терзания», но уже не реалистично, а символически. Эти новации свидетельствуют об изменениях кочевнического мировоззрения, обусловленных появлением новых связей с оседлыми народами во время гуннских передвижений.

3. На привилегированный статус владельца седла или на достаточно высокую значимость ритуальных действий, в которых использовалось седло*, указывают

зывают тамгообразные знаки над головами мелких хищников на передней луке седла. Поскольку знаки размещены над головами не центральных, а «второстепенных» персонажей, то с позиции «полифункциональности» их можно считать знаками принадлежности (этнической или коллективной) к клану владельца тамги, в частности, «знаками покровительства и подчинения» (по этому поводу см.: [Ольховский, 2001, с. 107]). Подобный знак должен был подчеркнуть богатство, доблесть владельца седла и даже, возможно, причастность к «фарну» (символ царской власти). Если бы это было клеймо «авторства» мастера, то оно находилось бы в ином месте. Возможно, появление таких тамгообразных знаков в Прикаспии связано с традициями и культами сарматской знати. Однако более точное и развернутое соотнесение знаков на алтынказганских обкладках с тамгами Хорезма, Южной Сибири и других регионов требует отдельной публикации, тем более что в рамках этой темы существует большая источниковая база, анализу которой посвящена обширная литература [Соломоник, 1959; Драчук, 1975; Ольховский, 2001; Яценко, 2001; Воронятов, 2009]. Отметим лишь, что круг поисков аналогий должен быть очень широким, т.к. движение гуннов вызвало миграции разных этносов по евразийским степям, поэтому идентичные знаки можно обнаружить на территориях, удаленных друг от друга на тысячи километров.

Выводы

Алтынказганское парадное седло было захоронено на территории, ограниченной в ритуальных целях каменной оградой. Данный тип седел определенно связан с племенами гуннского облика и сформировался по крайней мере в V в., о чем свидетельствуют не только сами обкладки, но и другие предметы, найденные на территории памятника (см. рис. 13)*.

В дальнейшем такие седла стали прообразами древнетюркских. Изображения на серебряных обкладках выполнены под влиянием скифо-сибирского звериного стиля, но отражают становление новых ми-

*На лицевой поверхности обкладок и бронзовых скоб отсутствуют какие-либо царапины и затертости, поэтому можно предположить, что седло было сделано для ритуального захоронения и не использовалось в быту.

*И.Р. Ахмедов по конструктивным особенностям отнес остатки рукояти плети из Алтынказгана к позднесарматской группе II, началу V в. Аналогичные предметы были обнаружены в кург. 7 могильника Брут-1 (Северный Кавказ) и в некоторых рязанско-окских памятниках. Могильник Брут-1 исследователем датирован периодом от конца IV до середины – начала второй половины V в. [Габуев, 2014, с. 72–74]. Авторы благодарят И.Р. Ахмедова за возможность ознакомиться с его статьей «Плети из рязанско-окских могильников. Новые данные», которая в настоящий момент находится в печати.

фологических и идеологических представлений, которые окончательно оформились уже в тюркскую эпоху (накладки на луки седел из Кудыргэ и Копенского Чаа-таса). Уникальность и высокая информативность памятника Алтынказган требует проведения на его территории полномасштабных раскопок.

Список литературы

- Азбелев П.П.** К истории седельного декора // Древности Сибири и Центральной Азии. – 2010. – № 3. – С. 75–91.
- Амброз А.К.** Стремена и седла раннего средневековья как хронологический показатель (IV–VIII вв.) // СА. – 1973. – № 4. – С. 81–98.
- Амброз А.К.** К статье А.В. Дмитриева. Приложение // СА. – 1979. – № 4. – С. 229–231.
- Амброз А.К.** Хронология древностей Северного Кавказа (V–VII вв.). – М.: Наука, 1989. – 134 с.
- Ахмедов И.Р.** Металлические детали декора жестких седел Восточной Европы гуннского и постгуннского времени. К изучению вопросов происхождения и классификации // Евразия в скифо-сарматское время. – М.: ГИМ, 2012. – С. 12–26. – (Тр. ГИМ.; вып. 191).
- Богданов Е.С.** Образ хищника в пластическом искусстве кочевых народов Центральной Азии (скифо-сибирская художественная традиция). – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2006. – 240 с.
- Боталов С.Г.** Гунны и тюрки. – Челябинск: Рифей, 2009. – 672 с.
- Вайнштейн С.И.** Некоторые вопросы истории древнетюркской культуры (в связи с археологическими исследованиями в Туве) // СЭ. – 1966. – № 3. – С. 60–81.
- Вайнштейн С.И., Крюков М.В.** Седло и стремя // СЭ. – 1984. – № 6. – С. 114–130.
- Виноградов Ю.А., Никоноров В.П.** Деревянная основа седла из Керченского кургана второй половины IV в. до н.э. // Степи Евразии и история Боспора Киммерийского. – Симферополь; Керчь: [б.и.], 2009. – С. 127–134. – (Боспорские исследования; вып. XXII).
- Волниковский «клад».** Комплекс снаряжения коня и всадника 1-й половины V в. н.э.: каталог коллекции. – М.: Голден-Би, 2014. – 200 с.
- Воронятов С.В.** О функции сарматских тамг на сосудах // Гунны, готы и сарматы между Волгой и Дунаем. – СПб.: СПб. гос. ун-т, 2009. – С. 80–98.
- Габуев Т.А.** Аланские княжеские курганы V в. н.э. у села Брут в Северной Осетии. – Владикавказ: Издат.-полиграф. предприятие им. В.А. Гассиева, 2014. – 184 с.
- Гаврилова А.А.** Могильник Кудыргэ как источник по истории алтайских племён. – М.; Л.: АН СССР, 1965. – 145 с.
- Дмитриев А.В.** Погребения всадников и боевых коней в могильнике эпохи переселения народов на р. Дюрсо близ Новороссийска // СА. – 1979. – № 4. – С. 219–229.
- Драчук В.С.** Системы знаков Северного Причерноморья. Тамгообразные знаки северопонтийской периферии античного мира первых веков нашей эры. – Киев: Наук. думка, 1975. – 224 с.
- Евтюхова Л.А.** Археологические памятники енисейских кыргызов (хакасов). – Абакан: [б.и.], 1948. – 109 с.
- Засецкая И.П.** Дата мелитопольского комплекса в свете проблем хронологии памятников гуннской эпохи // Древности Евразии в скифо-сарматское время. – М.: Наука, 1984. – С. 68–78.
- Засецкая И.П.** Культура кочевников южнорусских степей в гуннскую эпоху (конец IV – V в. н.э.). – СПб.: Эллипс, ЛТД, 1994. – 224 с.
- Ковалевская В.Б.** Кавказ – скифы, сарматы, аланы I тыс. до н.э. – I тыс. н.э. – Пушкино: Отд. науч.-техн. информ. Пуш. науч. центра РАН, 2005. – 398 с.
- Комар А.В.** Комплекс из Макартета и ритуальные памятники гуннского времени // Гуннский форум. Проблемы происхождения и идентификации культуры евразийских гуннов. – Челябинск: Рифей, 2013. – С. 88–109.
- Кубарев В.Д.** Курганы Уландрыка. – Новосибирск: Наука, 1987. – 301 с.
- Кун Н.А.** Легенды и мифы Древней Греции. – М.: Кристалл, 2000. – 464 с.
- Кызласов Л.Р.** Древняя Тува (от палеолита до IX в.). – М.: Моск. гос. ун-т, 1979. – 208 с.
- Максимов Е.К.** Позднейшие сармато-аланские погребения V–VIII вв. на территории Нижнего Поволжья // Археол. сб. – Саратов: [б.и.], 1959. – С. 65–84. – (Тр. Саратов. обл. музея краеведения; вып. 1).
- Мошкова М.Г.** Культовые сооружения Лебедевского могильника // Древности Евразии в скифо-сарматское время. – М.: Наука, 1984. – С. 196–201.
- Ольховский В.С.** Тамга (к функции знака) // Историко-археологический альманах. – Армавир; М.: Армавир. краевед. музей, 2001. – Вып. 7. – С. 100–109.
- Полосьмак Н.В.** «Стережущие золото грифы» (ахлахинские курганы). – Новосибирск: Наука, 1994. – 125 с.
- Рапопорт Ю.А., Трудновская С.А.** Курганы на возвышенности Чаш-Тепе // Кочевники на границах Хорезма. – М.: Наука, 1979. – С. 151–166.
- Рябицев В.К.** Птицы Урала, Приуралья и Западной Сибири: справочник-определитель. – Екатеринбург: Изд-во Урал. гос. ун-та, 2001. – 608 с. + ил.
- Савинов Д.Г.** Парадные седла с геральдическими изображениями животных // Археология Южной Сибири. – Кемерово: Кузбассвузиздат, 2005. – Вып. 23. – С. 19–24.
- Соломоник Э.И.** Сарматские знаки Северного Причерноморья. – Киев: Изд-во АН УССР, 1959. – 179 с. + 22 ил.
- Степанова Е.В.** Китайские седла III в. до н.э. – III в. н.э. // Тр. IV (IX) Всерос. археол. съезда. – Казань, 2014. – Т. II. – С. 235–240.
- Ягодин В.Н.** Арало-каспийское междуморье в первые века нашей эры // Всадники Великой степи: традиции и новации. – Астана: Издат. группа фил. Ин-та археологии им. А.Х. Маргулана, 2014. – С. 264–278.
- Яценко С.А.** Знаки-тамги ираноязычных народов древности и раннего средневековья. – М.: Вост. лит. РАН, 2001. – 190 с. + ил.